Голубь в Клетке

Жизнь в Культе Розовой Зари была ужасающей.

Атис знала, что это был неблагодарный страх. Она знала, что ей неизмеримо повезло, что она была избрана для службы в главном культе великих тайн Алого Города. Говорили, что раб подчиняется только своему господину, но на самом деле раб подчиняется каждому, кто мог свободно приказывать ему. Вынужденный выбирать между оскорблением более сильного культиватора или расставанием с рабом, слабый господин всегда делал последний выбор.

К счастью, в Алом Городе не было человека сильнее Дэймона Этоса. В отличие от многих рабынь, её никогда не схватят с улицы посреди работы. Ни один человек не был настолько безумен, чтобы плюнуть в лицо Розовой Заре.

Но это не означало, что она в безопасности. Это не означало, что она могла спокойно спать по ночам. Репутация кириоса Розовой Зари защищала её от внешних опасностей, но не могла защитить её от самого культа.

— Все в порядке, — прошептала Первика, вглядываясь в залы, окружающие двор. — Они ушли. — Слабый смех и насмешки молодых людей эхом отдавались в камне. Атис вздрогнула.

Она была рабыней три месяца и слишком быстро поняла, что существует для Дэймона Этоса только как галочка на бумаге. Если бы она была украдена или повреждена кем-то извне, он отомстил бы так же, как если бы любая безделушка или имущество культа были повреждены посторонним. Но если бы это был кто-то из его собственных членов?

Ну, это было слишком легко не заметить.

— Пойдём, пока кто-нибудь ещё не пришёл. — Первика наклонила голову и выскользнула из пустой спальни, а Атис поспешила за ней.

Они молча мчались по коридорам, прижимая к груди плетёные тростниковые корзины, наполненные шерстью. Как только они доберутся до женских кварталов, они будут в безопасности, и, если повезёт, они будут заняты прялкой и ткачеством до конца дня. Такие моменты были самыми страшными. Путешествие в одиночку, без какой-либо высшей власти, которая могла бы защитить их от блуждающих глаз. Совершенно беззащитные перед прихотями любых культиваторов, которые могут с ними столкнуться.

«Что это? Ты хорошенькая для рабыни».

Атис была рабыней Культа Розовой Зари в течение трёх месяцев, но ей потребовалась всего неделя, чтобы увидеть, что случилось с девушкой в цепях, которая привлекла внимание посвящённого. Она никогда этого не забудет.

Первика взбежала по лестнице на второй этаж поместья, золотые волосы до плеч развевались за ней. Она почти не запыхалась, в то время как Атис изо всех сил старалась не отставать. Первика была рабыней Розовой Зари более двух лет. У неё было много времени, чтобы изучить пути в поместье. Научиться перемещаться по его залам и научить своё тело делать это быстро. Атис не знала, где бы она была, если бы другая девушка не взяла её под своё крыло. Скорее всего, не в лучшем месте.

Они свернули за угол, так чтобы сады и пруды двора оказались слева от них. Женские помещения находились в конце зала, короткая пробежка даже для неё. Они обменялись облегчёнными улыбками, мчась вперёд.

Два мистика вышли из одной из комнат на полпути по коридору, оживлённо болтая друг с другом. Сердце Атис упало. Они должны были быть в гимнасии вместе с остальными. И всё же они были здесь. Первика знала коридоры лучше, чем большинство, но даже она не могла подготовиться к невезению.

Её подруга плавно перешла от быстрого бега к непритязательной походке всего за два шага, в то время как Атис резко остановилась, прежде чем поспешно приблизиться к более естественному темпу. Конечно, это было бессмысленное усилие. Первика знала это так же хорошо как и она. Это были культиваторы, граждане, завоевавшие членство в культе великих тайн.

Теперь их единственная надежда заключалась в том, что они не захотят их останавливать.

Сердце Атис грохотало в её ушах, когда они приближались друг к другу. Она не узнала ни одного из них, а если их и узнала Первика, то это не отразилось на её лице. Выражение её лица было безмятежным. Если бы она не знала куда смотреть, Атис никогда бы не заметила капельку пота на её брови.

Проходя мимо, посвящённые обсуждали некоторые недавние уроки. Она была не в том состоянии, чтобы по-настоящему слушать. Один из них взглянул в её сторону, и на мгновение её сердце остановилось. Затем его взгляд скользнул мимо неё, и они прошли мимо.

Атис вздохнула, её плечи с облегчением опустились.

— Что это?

О, нет.

Первика посмотрела на неё широко раскрытыми глазами.

— Повернись, девочка. Дай мне ещё раз взглянуть на тебя.

О, пожалуйста, нет.

Атис заставила себя повернуться. Другой посвящённый, с которым она не пересеклась взглядами, задумчиво смотрел на неё. Его глаза скользнули вверх и вниз по её телу, и она закусила губу, когда ужас и воспоминания недавнего времени о другой девушке в похожем положении напали на неё. Она заставила себя перевести дух и заговорить.

— Чем я могу служить, уважаемый мистик? — спросила она, слегка дрожащим голосом.

— Я могу придумать несколько способов, — сказал он. Он искоса взглянул на своего товарища посвящённого, многозначительно приподняв бровь. Другой посвящённый пожал плечами.

— Не мой тип.

— У тебя всегда был плохой вкус, — сказал он с усмешкой. Другой посвящённый хмыкнул.

Вопреки своей воле Атис обнаружила, что образ мужчины сам собой запечатлелся в её

сознании. Он был выше её на несколько ладоней, его тело было мощно очерченным, как и полагается культиватору. Его волосы были жёсткими и каштановыми, тёмная тень бороды обрисовывала сильную челюсть. Его ухмыляющиеся глаза были карими с золотыми хлопьями в радужках. Объективно он был привлекательным мужчиной. Атис почувствовала, что её руки начали трястись.

— Значит, я пойду один? Принимай решение, — нетерпеливо сказал другой посвящённый. Иди со своим другом, молча умоляла его Атис. Их взгляды встретились. Она видела его решение, когда он его принял.

— Продолжай…

— Что вы двое делаете?

Атис обернулась, её сердце подскочило к горлу. По коридору к ним шёл мужчина. Она была спасена. Она была спасена!

Только когда его глаза переместились с Первики на неё и не дальше, она поняла, что это не высокопоставленный член культа, пришедший наказать двух мистиков. Затем она осмотрела его полностью. Состояние его одежды, оборванной и изношенной, без характерной алой отделки культа. Этот человек был гораздо меньше, чем просто гражданин. Он был другим рабом.

На самом деле, она узнала его лицо. Он был недавно прибывшим, даже более свежим, чем она сама. Как его звали? Сабас? Нет… Пелонус? Не совсем. Это было…

— Солус? — прошептала Первика в замешательстве. Солус. Вот оно.

— Остальные ждут эту шерсть, — сказал он, кивнув в сторону их места назначения в конце зала. — Хватит болтать. Продолжайте двигаться. И поторопитесь. — Атис обменялась растерянным взглядом с Первикой. Солус никогда не разговаривал с ними напрямую до этого момента. Насколько она знала, он никогда ни с кем не разговаривал.

Но она не собиралась дважды смотреть в лицо удаче. Атис поспешила выполнить команду, Первика была рядом с ней.

Увы. Некоторые вещи были слишком хороши, чтобы быть правдой.

— Постой, раб, — рявкнул посвящённый с искоса карими глазами. Атис замерла. — Кто дал тебе право прерывать разговор мистиков? Ты хоть представляешь, с кем имеешь дело?

Наконец Солус посмотрел на двух культиваторов в холле. К её удивлению, в его глазах не было страха. Он не содрогнулся от внезапного осознания оскорбления, которое он только что нанёс клятвенному посвящённому Розовой Зари. Он просто оглядел посвящённого сверху вниз, а затем пожал плечами.

— Нет.

Губы кареглазого посвящённого скривились. Его напарник вздохнул.

— Конечно, он не знает тебя, Ксуф. Он раб. Он ничего не знает.

Ей хотелось, чтобы он не называл его имя. Было намного труднее забыть лицо, когда у него

было соответствующее имя.

Ксуф нахмурился и подошёл к Солусу, пока они не оказались на расстоянии нескольких пальцев друг от друга. Солус был выше его на несколько дюймов. Казалось, это только ухудшило его настроение. Не глядя, культиватор протянул руку и вырвал тростниковую корзину из её рук, сунув её Солусу в грудь. Более высокий раб не пошевелился, хотя и обхватил корзину рукой, чтобы она не упала.

— Неси корзину сам. Я решил, что мне нужна компания на ночь.

— В городе есть бордели, — беспечно сказал Солус. — Эти двое нужны на ткацких станках.

Другой посвящённый присвистнул. Лицо Ксуфа исказилось от возмущения. Первика схватила её за плечо, чтобы отвернуть. Последним, что она увидела, была рука Ксуфа, отведённая назад, а затем хлестнувшая, тыльной стороной вперёд, чтобы ударить бесстрашного раба.

Атис не видела, что произошло дальше. Впрочем, она это слышала.

Раздался пронзительный, сокрушительный треск. И тогда Ксуф закричал.

Когда она оглянулась, то едва поверила своим глазам. Ксуф отшатнулся на несколько шагов назад и упал на одно колено, крепко сжав правое запястье. Его правая рука, которой он, предположительно, сбил голову раба с плеч, висела безвольно и деформировано, кость в нескольких местах выступала против кожи. Каким-то непостижимым образом Солус не сдвинулся ни на дюйм.

От пощёчины не было ничего, кроме слабого красного пятна на правой щеке. Мистик сломал руку о лицо Солуса.

Друг Ксуфа присел рядом с ним, глядя то на его искалеченную руку, то на Солуса с настороженным замешательством: «Что это было? Что ты с ним сделал?!» — спросил он. Ксуф застонал сквозь стиснутые зубы.

— Ничего, — сказал Солус. — Я бы посоветовал сходить к медику перед борделем. Хотите, чтобы я помог вам туда добраться?

Они не хотели.

— Как ты это сделал? — удивлённо спросила Атис, пока двое посвящённых бежали по коридору, беря тростниковую корзину, когда он предложил её обратно. Солус посмотрел на неё. Его серые глаза и хмурые черты лица, которые казались ей такими пугающими, когда она впервые увидела его, теперь, как ни странно, казались менее таковыми.

Он снова пожал плечами, его выражение выдавало слабое веселье: «Моя мама всегда говорила, что у меня твёрдый лоб».

— Зачем ты это сделал? — спросила Первика, возможно, более благоразумно. — Ты знаешь, что с тобой может случиться, не так ли? — Солус на мгновение задумался. Но только на мгновение.

— Я знаю его тип, — сказал он.

Затем он ушёл, шагая по коридору к тому делу, которым он занимался в первую очередь. Это

было её первое знакомство с Солусом. И это не будет последним.

Как ни странно, это было даже не самое запоминающееся.

После этого она обнаружила, что пересекается с ним всё больше и больше. Или, возможно, она просто больше обращала внимание. Во время стирки, приготовления еды, ухода за детьми. Каждый раз она ловила себя на том, что замечает какую-то новую деталь, какую-нибудь причуду, которую раньше она была слишком настороженна, чтобы заметить.

Его запястья были скованы кандалами, как и у многих рабов в Розовой Заре. Первика объяснила, что это то, что делают с рабом, который уже вошёл в царство культивации. Кандалы мешали им контролировать свою пневму.

Однако это было странно. Она видела много рабов в поместье с кандалами из холодного железа на запястьях, но никогда не видела, чтобы их сковывали вместе, как его. Первика тоже не была уверена в причине. Если недостаток подвижности и беспокоил его, то он этого не показывал. Он выполнял свои обязанности достаточно легко.

Особенно, когда дело касалось ухода за детьми. Уход за детьми обычно возлагался на женщин из числа рабов, но иногда требовалось твёрдая рука. Выяснилось, что Солус умеет развлекать молодых и буйных культиваторов. Он научил их играм, о которых она никогда не слышала, показал, как вырезать игральные кубики из костей, и позволил им практиковать на себе приёмы, которые их старшие братья и сестры использовали в гимнасии. Он терпел это каждый раз со своим слабым весельем.

Именно во время одного из таких случаев, когда они оба присматривали за группой молодых культиваторов, он открыл им, что он музыкант.

Атис закрыла глаза и откинула голову на ствол оливкового дерева, лениво поглаживая волосы молодой девушки, в то время как Солус убаюкивал её и остальных детей мягкими звуками лиры. Один из мальчиков принёс её с собой по настоянию матери и после нескольких минут немелодичного щипания струн заявил, что она сломана, и с отвращением отбросил её. Солус поднял её и показал ему обратное.

Идея расцвела в её воображении, когда она слушала его игру в тот день. Первика думала, что она сошла с ума из-за этого, и заявила, что не хочет участвовать в этом, но когда на следующий день Атис ускользнула во время сбора воды, чтобы поймать черепаху, именно Первика помогла ей убить животное и вычистить его панцирь.

Сборка остальных компонентов была изнурительной работой в промежутках между её обычными обязанностями в качестве рабыни, и конечный продукт не имел ничего общего с прекрасным инструментом из слоновой кости и бронзы, которым так небрежно пренебрёг молодой культиватор. Тем не менее, он звучал прекрасно, и её сердце наполнилось гордостью, когда она представила это ему.

— Я давно хотела поблагодарить тебя, — сказала она. Она стала чувствовать себя комфортно рядом с ним. В каком-то смысле рядом с ним она чувствовала себя почти так же безопасно, как и в женских комнатах. Тем не менее она смутилась, когда он осторожно взял лиру с нечитаемым выражением лица.

— Ты сделала это? — спросил он, проводя пальцем по струнам из овечьей кишки.

— Мне помогли, — призналась она. — Но… то как ты играл, я подумала, что было бы стыдно никогда больше этого не слышать.

Эти каменно-серые глаза сморщились в уголках. Это было маленькое, едва заметное движение, но он улыбнулся ей, её сердце бешено колотилось.

— Я сыграю сегодня вечером, — сказал он ей. — После ужина.

Она не могла дождаться.

Ужин пришёл и ушёл, но Атис так и не услышала как он играет. Молодой Аристократ решил собрать лучших молодых посвящённых Культа Розовой Зари для вечернего симпозиума, и Солус был призван для обслуживания. Первика и остальные девушки уже готовились к ночлегу, когда началась вечеринка, и она могла только лежать без сна, ожидая так долго как могла. Разочарованная, она уснула.

Её разбудило пение лиры. Оно было слабым, плывущим сквозь щели между дверями, как дым. Она лежала неподвижно, затаив дыхание и внимательно слушая. Нет, это не было её воображением. Он играл.

Атис осторожно выскользнула из-под шерстяных одеял, бесшумно переступив Первику и остальных девушек между ней и дверью. Она открыла её и выглянула наружу, прежде чем выйти, убедившись, что коридоры пусты.

Всего несколько шагов до перил, которые смотрели вниз на двор с его тенистыми садами и семейными прудами, и она присела рядом с ними, глядя вниз. Пруды почти светились отражённым лунным светом, ясно освещая двух молодых людей, бездельничавших у одного из них. Она узнала их обоих. На мгновение Атис не могла дышать.

То, что Солус был во дворе один без законной цели, что он окунул ноги в семейный пруд, было достаточно шокирующим. Но что заставило её сердце сжаться, так это другой молодой человек, прислонившийся к колонне и наблюдающий через его плечо как он играет. Он был для неё таким же узнаваемым, как и Солус.

Каждый в Розовой Заре знал лицо Молодого Аристократа.

Но поскольку раб продолжал играть, а культиватор не пытался его остановить, стало ясно, что Солус не в беде. Пока, по крайней мере. Атис наблюдала за ними сквозь щели в перилах, но по мере того, как шли минуты, и её тревога за него слабела, музыка стала преобладать в её мыслях.

Он действительно был талантлив. Даже её жалкая лира пела, как милые голуби в его руках. Атис прислонилась к перилам, закрыла глаза и позволила мелодии наполнить её чувства. Её сознание начало дрейфовать.

Грохот разбудил её. Атис завертела головой, оглядывая коридоры, но они были пусты. Потом, вспомнив где она и зачем сюда пришла, она посмотрела вниз, во дворы.

Ужас охватил её, когда она увидела, как Солус и Молодой Аристократ врезались в семейный пруд.

Её руки взлетели вверх, чтобы прикрыть рот, когда они снова и снова били друг друга. Она чуть не закричала, когда Юный Аристократ обвил его руками и ногами, как змея, и с силой повалил его в воду. Она не могла поверить своим глазам. Это не могло быть реальностью!

Спотыкаясь, Атис, вскочила на ноги и бросилась обратно в женскую спальню, едва сумев вернуться на своё место на полу, не наступив ни на одну из других девушек и свернувшись в тугой клубок под одеялом.

Я видела, как умирает человек.

Она не спала остаток ночи.

На следующее утро Солус кивнул ей, проходя мимо, неся коромысло, нагруженное кувшинами с водой. Молодой Аристократ шёл рядом с ним, перекинув через плечо соответствующий груз. Таская воду и болтая, как будто он был ещё одним рабом.

Атис повернулась и смотрела, как они уходят, замерев при виде него. Живого и здорового. После того как он ударил Молодого Аристократа. Он был…

Ах. Она уронила белье.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3084866